

РОССИЯ И ВОСТОК

DOI: 10.31696/S086919080038805-2

«ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЫТ НЕИЗМЕННЫЙ, КАК И ПРИРОДА»:
ЦИВИЛИЗАТОРСТВО В РУССКОМ ТУРКЕСТАНЕ

© 2026

Б.А. АЛИМДЖАНОВ ^a, К.Ш. АКБАРОВА ^b^a – Институт антропологии АН РУз, Ташкент, Узбекистан
ORCID: 0000-0002-8251-0201; balimdjanov@gmail.com^b – Институт антропологии АН РУз, Ташкент, Узбекистан
ORCID: 0009-0005-9126-1189; kaybruma@gmail.com

Резюме: Статья посвящена анализу концепций русского цивилизаторства в Средней Азии во второй половине XIX – начале XX в. через призму взглядов знатоков региона: В. Григорьева, Н. Петровского, В. Наливкина и Н. Остроумова. Авторы реконструируют эволюцию цивилизаторского дискурса от просветительских иллюзий 1840–1860-х гг., где пресса видела в России посредника европейского «света» для «застойных» азиатских обществ, до прагматических сомнений конца XIX в. Цель исследования – сравнительный анализ взглядов четырех имперских экспертов (В. Григорьева, Н. Петровского, В. Наливкина, Н. Остроумова) как репрезентативных голосов цивилизаторского дискурса в Русском Туркестане. Метод включает контекстуализацию текстов (письма, записки, публицистика 1867–1916 гг.) в имперской прессе («Москва», «Туркестанские ведомости», «Туркестанский курьер», «Окраина») и архивных фондах (РГИА, ИВР РАН, ОР РНБ) для реконструкции эволюции концепций цивилизаторства от идеологических иллюзий к прагматическим сомнениям. Новизна заключается в первой систематической компаративной реконструкции цивилизаторского дискурса через тандем четырех имперских исследователей региона (В. Григорьева, Н. Петровского, В. Наливкина, Н. Остроумова), противопоставляя их взгляды как спектр от «мягкого» (невмешательство, пессимизм) к «жесткому» (законность, русификация) моделям. В отличие от постколониальных интерпретаций, фокусирующихся на элитах или ориентализме (С. Горшенина, А. Миллер), исследование вводит архивные письма Н. Петровского (ИВР РАН, ОР РНБ) как источник критики административного провала, объясняющий разрыв между дискурсом и практикой. Дискурс-анализ семантики («игнорирование» ислама vs. миссионерство) дополняет западные нарративы (А. Моррисон, У. Хофмайстер) локальными кризисами (восстания 1898 и 1916 гг.) как маркерами амбивалентности, предлагая модель «дискурсивного цивилизаторства» как предтечи советских политик. Выводы исследования: русское цивилизаторство оставалось сферой дискуссий среди востоковедов, не реализовавшись на практике из-за административного хаоса и локальных кризисов, при этом подготовив почву для советских экспериментов.

Ключевые слова: Российская империя, Русский Туркестан, цивилизаторство, культура, нарратив, ориентализм

Для цитирования: Алимджанов Б.А., Акбарова К.Ш. «Политический быт неизменный, как и природа»: цивилизаторство в Русском Туркестане. *Восток (Oriens)*. 2026. № 4. С. 210–221. DOI: 10.31696/S086919080038805-2

**“POLITICAL LIFE IS UNCHANGEABLE, LIKE NATURE”:
CIVILIZING MISSION IN RUSSIAN TURKESTAN**

© 2026

Bakhtiyor A. ALIMDJANOV ^a, Kamila Sh. AKBAROVA ^b

^a _ Institute of Anthropology of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan
ORCID: 0000-0002-8251-0201; balimdjnov@gmail.com

^b _ Institute of Anthropology of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan
ORCID: 0009-0005-9126-1189; kaybruma@gmail.com

Abstract: *The article examines Russian “civilizing mission” concepts in Central Asia in the second half of the 19th and early 20th centuries through the lens of four key experts: V. Grigor’ev, N. Petrovsky, V. Nalivkin, and N. Ostroumov. The aim of the study is to compare and analyze the views of these four imperial experts, whose works represent distinct and influential voices within the civilizing discourse applied to Russian Turkestan. The methodology includes contextualizing their texts (letters, memoranda, and journalist works produced between 1867 and 1916) as they appeared in the Imperial press and in archival collections. The article presents the first systematic comparative reconstruction of the civilizing discourse. It contrasts their positions across a spectrum ranging from “soft” models (nonintervention, cultural pessimism) to “hard” ones (legalist governance, Russification), a perspective absent from existing biographical or thematic studies. Unlike postcolonial interpretations that focus on elites or Orientalism, this study introduces the archival correspondence by Petrovsky as an underutilized source of criticism of administrative failure, highlighting the gap between discourse and practice. The comparative method juxtaposes “soft” (Grigor’ev’s noninterventionism, Nalivkin’s cultural pessimism) and “hard” (Petrovsky’s legalism, Ostroumov’s missionary agenda) models, revealing the persistent mismatch between discourse and practice, particularly visible in the crises of 1898 and 1916. The study concludes that the Russian civilizing mission remained largely a theoretical and contested construct among Orientalists, never fully implemented in practice due to administrative disorder and local crises, and ultimately laying the groundwork for later Soviet experiments.*

Keywords: Russian Empire, Russian Turkestan, civilizing mission, culture, narrative, Orientalism

For citation: Alimdjnov B.A., Akbarova K.Sh. “Political Life Is Unchangeable, Like Nature”: Civilizing Mission in Russian Turkestan. *Vostok (Oriens)*. 2026. No. 4. Pp. 210–221. DOI: 10.31696/S086919080038805-2

Под цивилизаторством в данной статье понимается комплекс представлений и практик, посредством которых государство легитимирует модернизационные преобразования общества как процесс «приобщения к цивилизации», сочетая идеологию прогресса с механизмами административного управления и интеграции периферийных регионов. Идеи русского цивилизаторства широко обсуждались в прессе в 40–60-е гг. XIX в. Журналы «Отечественные записки», «Русский вестник», «Современник», «Русское слово» и такие публицисты, как Н. Чернышевский, И. Березин, А. Казембек, Н. Добролюбов, Н. Обручев, не видели перспектив преодоления странами Востока их кризисного, застойного состояния [Овсянников, 1989, с. 63]. В 1841 г. «Отечественные записки» отмечали, что «не без мудрого преднамерения поставило Провидение Россию между Европой и Азией; через Россию и посредством России пятьсот миллионов азиатцев ожидают и должны принять благо-

детельный свет человеческого образования» [*Отечественные записки*, 1841, № 5, с. 10]. В период завоеваний идеологи империи утверждали, что «страны Средней Азии почти с допотопного времени находятся в одинаковом состоянии» [*Туркестанские Ведомости*, 1870, № 13]. Невзирая на цивилизаторский дискурс официальной прессы и администрации, представители научного сообщества признавали историческую и культурную значимость региона: «Средняя Азия, в которой ищут колыбель индоевропейской отрасли человечества, и которая служит рубежом двух самостоятельных цивилизаций старого света – арийско-семитской и китайской» [*Туркестанские Ведомости*, 1875, № 20].

Концепт «русской гражданственности» служил центральным элементом имперского цивилизаторства в Средней Азии [*Средняя Азия*, 1871; Матвеев, 2024]. Под этим термином подразумевалась культурная ассимиляция местной элиты и интеграция региона в общенимперскую институциональную среду. Двадцать пять лет спустя после создания Туркестанского генерал-губернаторства местная газета «Окраина» писала:

«Не роль просветителей и цивилизаторов (собственно говоря, мы никого особенно не просвещаем и не цивилизуем) главная в деле движения наших границ к югу, а те экономические выгоды, какие дали бы нам южные страны» [*Окраина*, 1891, № 36].

Отношение к цивилизаторской миссии было разным: исследователи края (востоковеды, географы и миссионеры) и местные чиновники по-своему понимали и трактовали ее в Средней Азии.

ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

В советской историографии широко обсуждался вопрос о степени развития среднеазиатского региона до его завоевания царизмом. Узбекские историки советского периода соглашались с тем, что перед завоеванием Средняя Азия находилась в глубоком кризисе и нуждалась в цивилизации и культурном прогрессе [*Материалы*, 1959, с. 8; Чехович, 1956].

В современной историографии концепция русского цивилизаторства рассматривается в неразрывной связи с проблемами колониализма, имперского строительства и национализма [Миллер, 2008; Цыряпкина, 2022], а также практиками русификации и «игнорирования» ислама [Абаджанов, 2013]. Существуют также оригинальные трактовки русского цивилизаторства в регионе. Например, Е. Лейзерович утверждает, что «в Средней Азии скорее имело место не столкновение цивилизаций, а отказ от столкновения цивилизаций; культурные ценности автоматически взаимоотталкивались, не соприкасаясь» [Лейзерович, 2001, с. 41]. Проблемы просвещения и интеграции коренных народов в имперское пространство изучались Д. Васильевым и С. Любичанковским сквозь призму концепции аккультурации [Васильев, Любичанковский, 2019]. С. Горшенина опирается в своих исследованиях на методологию ориентализма и постколониализма. Согласно ее позиции, цивилизаторство «легитимизировало колониальные завоевания и навязывало туркестанской администрации определенные модели поведения, уже апробированные Европой» [Горшенина, 2007, с. 292].

В 90-е гг. XX в. зарубежные исследователи изучали уровень развития и культуры Средней Азии до ее завоевания русскими войсками. Э. Вейнерман в своих статьях раскрыл полемику об отсталости народов Средней Азии между московскими и периферийными историками [Weinerman, 1993]. В 2000-е гг. К. Померанц написал статью о цивилизаторской миссии России на Востоке [Pomeranz, 2005]. Англоязычные исследователи в своих трудах по Русскому Туркестану делают ударение на русификацию. «Большинство представителей царской империи понимали цивилизацию как продвижение русской культуры, – пишет У. Хофмайстер, – поэтому в русском дискурсе о Средней Азии пересекались семантические поля “цивилизации” и “русификации”» [Hofmeister, 2016]. А. Моррисон утверждает, что в

отличие от других европейских держав российский империализм был более толерантным и ориентированным на ассимиляцию [Morrison, 2012]. Одной из значимых работ, посвященных культурному освоению «Востока», является исследование В. Толы, в котором концепция ориентализма адаптирована к анализу азиатских территорий Российской империи [Tolz, 2005]. Э. Сандерланд обращает внимание на проблемы, возникавшие при столкновении имперского проекта аккультурации пространства империи и национального русского проекта национализации территории империи с помощью колонизации [Sunderland, 2003].

В постсоветской среднеазиатской историографии вопрос цивилизаторской миссии Российской империи в регионе изучается историками Б. Алимджановым, Б. Бабаджановым, У. Абдурасуловым и А. Джумаевым [Абдурасулов, 2013; Алимджанов, 2019(2), 2024; Бабаджанов, 2013; Джумаев, 2013; Babajanov, 2014]. Среднеазиатские ученые в основном изучают цивилизаторство через призму постколониальности и ориентализма.

В. ГРИГОРЬЕВ: СОМНЕНИЯ В АКТИВНОЙ ТРАНСЛЯЦИИ ЦИВИЛИЗАТОРСТВА В ТУРКЕСТАНЕ

Известный востоковед Василий Васильевич Григорьев (1816–1881 гг.) был активно вовлечен в пограничные вопросы и проблемы цивилизаторства народов Востока [Абдуллаев, 2019; Сартори, Шаблей, 2015; Семенова, 2015]. Идеи и мировоззрение В. Григорьева подробно рассмотрены историком Н. Найтом [Knight, 2000]. По мнению Н. Найта, взгляды В. Григорьева не вписываются в жесткие рамки концепции ориентализма. Н. Найт пишет:

«...идеи и опыт В. Григорьева, на мой взгляд, позволяют поставить вопрос о применимости саудовской концепции ориентализма в качестве парадигмы для понимания отношений между академической наукой и имперским господством в России» [Найт, 2005, с. 324].

Здесь мы рассмотрим лишь некоторые идеи В. Григорьева, относящиеся к цивилизаторской политике в Туркестане. В 1867 г., во время активных походов имперских войск вглубь Туркестана, В. Григорьев писал открытые письма к редактору газеты «Москва». В своих письмах он рассуждает о цивилизаторстве и о русских интересах в Средней Азии. В. Григорьев сомневался, что имперская администрация сможет цивилизовать местные народы. В. Григорьев горько отмечал:

«А потом, с чего взято, что Азии нужна европейская цивилизация, что может быть усвоена ею эта цивилизация и обратиться ей во благо, а не убьет ее окончательно? Спрашивается еще, желает ли оно (т.е. население Средней Азии. — Прим. авторов) усвоить себе эту цивилизацию и процветать на европейский лад. Меня всегда поражала нелогичность европейской публицистики, горячо отстаивающей свободу личности, ужасающейся при мысли о вмешательстве правительства в дела домашнего очага, хотя бы и самыми благими намерениями, и в то же время, в области международного права, беззастенчиво проповедующей, что европейцы могут и даже должны заставлять азиатов жить не так как хотят они сами, а как угодно это европейцам» [Москва, 1867, № 53].

В. Григорьев предлагал не заниматься цивилизаторством и не ломать местную культуру. Он настаивал на невмешательстве в религиозные практики местного населения и прекращении всяких попыток европеизации среднеазиатских народов. Позиция В. Григорьева легла в основу политики «игнорирования» ислама в Средней Азии. В. Григорьев как знаток Востока советовал имперской администрации «удержаться от цивилизационных и регуляризационных замашек», и тогда, по его мнению, «утомленные безурядицей народы Средней Азии сами станут проситься в подданство к Белому царю» [Москва, 1867, № 53]. Нужно отметить, что Н. Найт был не вполне точен, называя В. Григорьева «аномалией» в русском ориентализме. Взглядам В. Григорьева были в полной мере присущи характерные черты

ориентализма. В частности, его приверженность идеям цивилизаторства, которые иногда называют упрощенными, как раз и подтверждает его принадлежность к общему имперскому дискурсу того времени. А «добровольное» принятие среднеазиатскими народами русского цивилизаторства, по мнению В. Григорьева, было лишь вопросом времени.

Н. ПЕТРОВСКИЙ: ЗАКОННОСТЬ КАК БАЗА РУССКОГО ЦИВИЛИЗАТОРСТВА В ТУРКЕСТАНЕ

Николай Федорович Петровский (1837–1908 гг.) – русский дипломат, востоковед, археолог и исследователь Средней Азии, известный как консул в Кашгаре (1882–1903), где укреплял российское влияние в «большой игре» против Британии.

В 70-е гг. XIX в. Н. Петровский был специальным представителем Министерства финансов в Туркестанском генерал-губернаторстве, где контролировал расход средств. В своих письмах к Н. Ермакову Н. Петровский подробно описывал нравы местной администрации и предлагал собственные решения для улучшения управления краем. В 1872 г. Н. Петровский писал в одном из своих писем:

«Администрация Туркестанского края, о которой я, как человек и русский, не могу отзываться с похвалою, постоянно кричала и кричит о своем усердии в развитии промышленности и всяких других сил этого края, а между тем кроме самой безумной траты денег на награды, пособия и предприятия, затеваемые различными вылазами ради возможности поживиться на счет казны, ничего не сделала. Все здесь делается и делается так, чтобы было в глаза, а действительно скромно ведомые коммерческие дела не только не поощряются, а даже тормозятся» [ИВР РАН СПб. Архив Востоковедов, ф. 43, оп. 2, д. 6, л. 21–24].

Н. Петровский винит во всех провалах местную имперскую администрацию, которая не может справиться с местными делами и не знает, как управлять. Первый туркестанский генерал-губернатор К. Кауфман (1867–1881) в 1871 г. попытался создать Положение об управлении Туркестаном, но этот проект не был утвержден правительством. Как утверждает Н. Петровский в своем письме:

«Ни председатели, ни члены Комиссий решительно не знают к чему стремятся: к объединению ли края общими с Россией учреждениями или к местной обособленности, надо ли удерживать мусульманское право или вводить русское» [ИВР РАН СПб. Архив Востоковедов, ф. 43, оп. 2, д. 6, л. 32–34 об.].

Далеко не все представители имперской администрации разделяли позицию Н. Петровского. В частности, его взгляды встречали оппозицию в окружении генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана, где к деятельности исследователя относились критически. Н. Петровский считал, что коррупция и разлад в управлении Средней Азией являются результатом военного управления. В неумелом управлении краем он обвинял высшее военное руководство империи. Н. Петровский постоянно критиковал местную имперскую администрацию и предлагал установить власть, которая основывалась бы на законности и праве. В этом должен был заключаться преобразующий потенциал русского цивилизаторства в Туркестане, который коренным образом отличал бы новый административный порядок от эпохи правления ханов. До конца жизни Н. Петровский считал правление Н. Кауфмана вредным для Туркестана, так как оно наносило ущерб русской власти в регионе:

«последние деяния Кауфмана граничили с безумием, и далее, не попав в дом сумасшедших, идти было некуда» [ОР РНБ, ф. 354, оп. 1, д. 93, л. 1–3].

В 1882 г. Н. Петровского отправили в Кашгар в качестве посла. Оттуда он внимательно следил за положением в Ташкенте. В своем письме к Д. Кобеко Н. Петровский отмечает:

«Необходимо, во чтобы ни стало, устроить нашу окраину как можно скорее, ибо (опять таки между нами) здесь может настать такой порядок вещей, который затмит собою Кауфманский. М.Г. Черняев, к которому я питаю самое глубокое уважение и расположение, человек в административном деле совершенно неопытный. Если край не будет устроен, и действия Главного Начальника не будут введены в законную рутину (курсив. – Авт.), толку не будет» [ОР РНБ, ф. 354, оп. 1, д. 93, л. 4–7 об.]».

Законность, по убеждению Н. Петровского, была основой русского цивилизаторства в Средней Азии, и никакие комиссии и комитеты не могли ее заменить. В 1890 г. Н. Петровский писал Д. Кобеко: «В течение 25 лет самые существенные вопросы – поземельный, податной – остались неразрешенными и до сих пор находятся в великой сумятице» [ОР РНБ, ф. 354, оп. 1, д. 93, л. 51–52 об.]. Административная нестабильность, обусловленная частой сменой генерал-губернаторов, личные амбиции местных имперских чиновников, коррупция и стремление выслужиться перед высшими столичными инстанциями были основными причинами провала русского цивилизаторства в Туркестанском генерал-губернаторстве.

В. НАЛИВКИН: ОТРИЦАНИЕ ПОЛЕЗНОСТИ ЦИВИЛИЗАТОРСКОЙ МИССИИ РОССИИ В ТУРКЕСТАНЕ?

О Владимире Петровиче Наливкине (1852–1918 гг.) написано довольно много и обстоятельно [Абашин, 2005; Лукашова, 1999]. В рамках данной работы мы обратимся лишь к тем его идеям, которые затрагивают концепцию имперского цивилизаторства. В течение 1913 г. он излагал свои мысли о результатах цивилизаторства на страницах газеты «Туркестанский курьер». В одном из номеров газеты он отмечал:

«Ко времени завоевания нами Туркестанского края туземное, сартовское общество стояло уже на относительно высокой ступени общественности и культурности; что у него были уже общественные и иные идеалы, созданные общественным умом на почве сопоставления фактов жизни с учением ислама и с философскими идеями, проводившимися главным образом персидской литературой, издревле находившейся под сильным влиянием суфизма, некогда бывшего учением весьма либерального направления» [Туркестанский Курьер, 1913, № 1].

Признавая наличие у коренного населения самобытной культуры и сложившегося общественного уклада, В. Наливкин в то же время подвергал резкой критике мусульманское духовенство. По его убеждению, деятельность последнего способствовала укоренению среди жителей лишь «показного благочестия и показной нравственности» [Туркестанский Курьер, 1913, № 6]. Одновременно в среднеазиатском обществе, по мнению В. Наливкина, наблюдался рост недоверия населения к властям и духовенству. Все эти явления породили кризис в местном среднеазиатском мусульманском сообществе. В. Наливкин отмечал: «ко времени нашего прихода сюда, значительная расшатанность всего старого уклада» [Туркестанский Курьер, 1913, № 12].

Главным недостатком русской администрации, согласно В. Наливкину, являлось незнание местных языков и опора на переводчиков «по большей части татар и оренбургских или сибирских киргиз, не знакомых с местными наречиями, в значительной мере отличающимися от языков татарского и киргизского» [Туркестанский Курьер, 1913, № 19]. Именно переводчики стали причиной коррупции и недоверия между местными жителями и имперской администрацией. В. Наливкин также указывал на предвзятость колониальной администрации в отношении коренного населения:

«Все сарты фанатики», «сарты весьма добродушны и гостеприимны», «сарты прекрасные садовники и конюхи!», «сарты не имеют никакого понятия об агрономии и жи-

вотноводства!», «сарты чрезвычайно развращенный народ!», «до нашего прихода сюда сарты не знали ни пьянства, ни проституции!». *Изю дня в день повторяя этот вздор, мы постепенно привыкали к нему, привыкали думать, что все таки кое-что знаем и смыслим»* [Туркестанский Курьер, 1913, № 19].

В. Наливкин с сожалением отмечает, что имперскую администрацию окружают сомнительные элементы местного сообщества. «Между нашим местным правящим классом и народом, — пишет В. Наливкин, — образовалась тесно сомкнувшаяся вокруг нас и разобщившая нас от народа и народной жизни стена, составившаяся из туземной администрации, торгашей и переводчиков» [Туркестанский Курьер, 1913, № 19]. Именно эта «живая стена» мешала осуществлению цивилизаторства и развитию местной культуры. Сравнивая имперское управление с ханским периодом, В. Наливкин отмечает, что «главнейшие функции уездного начальника были очень близки к функциям ханского хакима (или бека)» [Туркестанский Курьер, 1913, № 26]. Одним из положительных явлений он считает появление в Туркестане почты и телеграфа, которые произвели «впечатление на туземцев».

Н. ОСТРОУМОВ СТОРОННИК АКТИВНОГО ЦИВИЛИЗАТОРСТВА

Н.П. Остроумов (1846–1930) — российский востоковед, историк, этнограф и исламовед [Флыгин, 2013]. Прибыв в Ташкент в 1877 г., он на протяжении многих лет служил в различных ведомствах Туркестанского генерал-губернаторства. В 1896 г. Н. Остроумов опубликовал брошюру, в которой вступил в заочную полемику с известным ученым и путешественником Н. Пржевальским. Брошюра Н. Остроумова была ответом на статью Н. Пржевальского «Современное управление Азией», напечатанную в «Русском вестнике» в 1886 г. [Пржевальский, 1886]. Дискуссия между Н. Остроумовым и Н. Пржевальским о кочевых народах Средней Азии отражает два противоположных взгляда. Пржевальский считал кочевников неспособными к восприятию европейской цивилизации, объясняя это их пассивностью, обусловленной природными условиями. Остроумов же опровергал эту точку зрения, утверждая, что народы Азии обладают потенциалом к развитию при наличии благоприятных условий [Остроумов, 1896].

Остроумов критиковал мнение Пржевальского о «ленивости» и «нравственной разнузданности» азиатских народов, утверждая, что их образ жизни обусловлен климатическими и природными условиями, что позволяет им избегать борьбы за существование, характерной для европейских народов. Пржевальский признавал, что, несмотря на отставание в умственном развитии, кочевники превосходят оседлые народы в плане семейных ценностей, искренности и мягкости взаимоотношений внутри семьи. Он утверждал, что народы Средней Азии не способны усвоить европейскую культуру, называя кочевников «ребенком, а порой и идиотом» в цивилизационном смысле.

Остроумов не соглашался с этим, приводя примеры выдающихся монгольских и тюркских правителей, а также наблюдения других исследователей, подтверждающих интеллектуальный потенциал этих народов. Кроме того, Остроумов опровергал мнение Пржевальского о том, что «монголам и номадам свойственно прирожденная трусость». Остроумов пишет:

«Неужели Чингизхан и ему подобные монголы были трусы и глупцы? И вообще военные походы и завоевания, совершенные монголами и другими среднеазиатскими кочевниками, свидетельствуют о несомненной их храбрости» [Остроумов, 1896, с. 3].

Пржевальский считал, что кочевники не нуждаются в интеграции в цивилизованный мир, так как их образ жизни приносит им счастье. Он утверждал, что европейская цивилизация не является универсальной моделью, подходящей для всех народов [Остроумов, 1896,

с. 3]. Согласно Остроумову, кочевые народы воспринимаются европейцами как «дикари» не из-за их реального культурного уровня, а из-за религиозных и цивилизационных различий. Он утверждал, что их интеграция в христианскую традицию приблизит их к европейской культуре [Остроумов, 1896, с. 3, 15–16].

Данная дискуссия иллюстрирует противостояние имперской позиции в отношении кочевых народов и более гуманистической позиции, признающей их потенциал к развитию.

В 1916 г. Н.П. Остроумов направил министру народного просвещения А.А. Рачинскому записку под заглавием «К вопросу об инородческом образовании в Туркестанском крае» [РГИА, ф. 733, оп. 177, д. 278, л. 1]. К этому времени он занимал пост директора Туркестанской учительской семинарии и курировал выпуск газеты «Туркестанские ведомости» на узбекском языке. В 1915 г. исполнилось 50-летие взятия русскими войсками Ташкента. По этому поводу Н. Остроумов отмечал, что

«за это довольно продолжительное время у туземцев появились и выросли два новых поколения, которые уже не знали жестокого ханского управления. Немногие из этих новых поколений пользовались русским образованием в русско-туземных школах» [РГИА, ф. 733, оп. 177, д. 278, л. 1–3].

В своей записке Н. Остроумов перечислял все блага, которые принесла русская власть местному населению: мир и спокойствие, неприкосновенность религии, развитие торговли и промышленности. Несмотря на все выгоды от русского управления, местное население «особой близости и преданности к русским не проявляет». Основными возмутителями спокойствия, по мнению Н. Остроумова, были муллы-фанатики. Невзирая на весь 50-летний провал русифицирования Туркестана, Н. Остроумов верил, что потенциал русского цивилизаторства еще не исчерпан. Для этого, по его мнению, нужно было открыть университет в Ташкенте и усилить контроль над местными национальными школами, которые служили «турецким интересам». Н. Остроумов понимал русское цивилизаторство как русифицирование местного оседлого населения и активное миссионерство среди кочевых народов.

* * *

Современные западные историки констатируют неудачу русской цивилизаторской политики в Средней Азии. Свидетельствами затяжного кризиса они считают два события: восстание Дукчи-ишана в 1898 г. [Алимджанов, 2019(1)] и массовые выступления по всему Туркестану против мобилизации в 1916 г. [Котюкова, 2011]. По мнению британского историка А. Моррисона, восстание Дукчи-ишана послужило толчком к возникновению панических настроений в имперской администрации. Это вынудило власти отказаться от реальных шагов по реформированию региона из опасения новых протестов мусульманского населения [Моррисон, 2013].

В то же время А. Моррисон не учитывает тот факт, что туркестанская администрация практически не пыталась активно проводить цивилизаторскую политику. Во многом восстание Дукчи-ишана оправдывало бездействие властей в культурной сфере. По мнению современных историков, события 1916 г. в Туркестане ставят жирную точку в цивилизаторской миссии Российской империи в регионе. Однако, если опираться на записки современника этих событий Н. Остроумова, складывается впечатление, что цивилизаторство только начинается, а не завершается в 1916 г. Остроумов до конца оставался приверженцем жесткой версии цивилизаторства народов Средней Азии. В то же время В. Наливкин после 1906 г. значительно сомневался в пользе и осуществимости русского цивилизаторства в Туркестане. Согласно Н. Найту, фигура В. Григорьева не вписывается в стереотипный образ сторонника жесткого и активного цивилизаторства [Найт, 2005]. Григорьев ратовал за

медленные и осторожные действия в сфере культуры, полагаясь на исторические процессы и удачный случай. Н. Петровский видел основу цивилизаторства в законности и русских институтах, критикуя коррупцию в Туркестане и военное управление как барьеры для реформ.

Характерно, что теоретические концепции, бурно обсуждавшиеся в прессе и в высших правительственных кругах, далеко не всегда находили прямое воплощение в управленческой практике. Русское цивилизаторство в Средней Азии заключалось прежде всего в дискуссиях имперских востоковедов и исследователей, подготовивших почву для последующих советских культурных экспериментов в регионе.

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

ИБР РАН СПб – Институт восточных рукописей Российской академии наук, Санкт-Петербург [*IVR RAN SPb* – Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg].

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки [*OR RNB* – Manuscripts Department of the National Library of Russia].

РГИА – Российский государственный исторический архив [*RGIA* – Russian State Historical Archive].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Абашин С. Н.В.П. Наливкин: «...будет то, что неизбежно должно быть; и то, что неизбежно должно быть, уже не может не быть...». *Кризис ориентализма в Российской империи? Азиатская Россия: люди и структуры империи*. Сборник научных статей к 50-летию проф. А.В. Ремнева. Под ред. Н.Г. Суворовой. Омск: ОмГУ, 2005. С. 43–96 [Abashin S.N. “...what must inevitably be will be; and what must inevitably be can no longer not be...”. *The Crisis of Orientalism in the Russian Empire? Asian Russia: People and Structures of the Empire*. Collection of articles dedicated to the 50th anniversary of Prof. A.V. Remenev. N.G. Suvorova (ed.) Omsk: OmSU, 2005. Pp. 43–96 (in Russian)].

Абдуллаев Я.С. Дискурс управления Кавказом и Центральной Азией в российской общественной мысли XIX – начала XX вв. *Russian Colonial Studies*. 2019. № 4. С. 150–164 [Abdullaev Ya.S. Discourse of the Governance in Caucasus and Central Asia in Russian Public Thought in the 19th – Early 20th Century. *Russian Colonial Studies*. 2019. No. 4. Pp. 150–164 (in Russian)].

Абдурасулов У. Остроумов и идеология колонизации. *Восток Свыше*. 2013. № 4(32). С. 66–68 [Abdurasulov U. Ostroumov and the Ideology of Colonization. *East from Above*. 2013. No. 4 (32). Pp. 66–68 (in Russian)].

Алимджанов Б.А. Андижанские события 1898 г.: взгляды, факты и интерпретации. *Russian Colonial Studies*. 2019(1). № 2. С. 3–32 [Alimdzhanov B.A. Andijan Events 1898: Views, Facts, and Approaches. *Russian Colonial Studies*. 2019(1). No. 2. Pp. 3–32 (in Russian)].

Алимджанов Б.А. Ориентализм ориентализму рознь. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2019(2). Т. 64. Вып. 4. С. 1488–1497 [Alimdzhanov B.A. Orientalisms May Differ. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2019(2). Vol. 64. No. 4. Pp. 1488–1497 (in Russian)].

Алимджанов Б.А. Русские в Туркестане: Адаптация к местной культуре или служба во имя строительства империи? *Уральский исторический вестник*. 2024. № 2 (83). С. 34–41 [Alimdzhanov B.A. Russians in Turkestan: Adaptation to Local Culture or Service for the Sake of Empire-Building? *Ural Historical Bulletin*. 2024. No. 2 (83). Pp. 34–41 (in Russian)].

Бабаджанов Б.М. Николай Остроумов: «миссионер», «исламовед», «цивилизатор»? *Восток Свыше*. 2013. № 4 (32). С. 29–51, 75–80 [Babadzhanov B.M. Nikolai Ostroumov: “Missionary”, “Islamic Scholar”, “Civilizer”? *East from Above*. 2013. No. 4 (32). Pp. 29–51, 75–80 (in Russian)].

Васильев Д.В., Любичанковский С.В. Народное просвещение в центральноазиатских владениях Российской империи как объект аккультурации. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки*. 2019. Т. 1. № 1. С. 5–13 [Vasil'ev D.V., Lyubichankovskii S.V. National Education in the Central Asian Periphery of the Russian Empire as an Object of Acculturation. *Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical Sciences*. 2019. Vol. 1. No. 1. Pp. 5–13 (in Russian)].

Горшенина С.М. Крупнейшие проекты колониальных архивов России: Утопичность тотальной Туркестаники генерал-губернатора Константина Петровича фон Кауфмана. *Ab Imperio*. 2007. № 3. С. 291–354 [Gorshenina S.M. The Biggest Projects of Russian Colonial Archives: The Utopian Exhaustive “Turkestanica” of General Governor Constantine P. von Kaufman. *Ab Imperio*. 2007. No. 3. Pp. 291–354 (in Russian)].

Джумаев А. Еще о «миссионерстве» Остроумова. *Восток Свыше*. 2013. № 4 (32). С. 55–66 [Dzhumaev A. Further Reflections on Ostroumov's “Missionary” Activities. *East from Above*. 2013. No. 4 (32). Pp. 55–66 (in Russian)].

Котюкова Т.В. Восстание 1916 г. в Туркестане: ошибка власти или историческая закономерность? *Обозреватель*. 2011. Т. 8. С. 98–126 [Kotyukova T.V. The 1916 Uprising in Turkestan: A Mistake of the Authorities or a Historical Pattern? *Observer*. 2011. Vol. 8. Pp. 98–126 (in Russian)].

Лейзерович Е.Е. *Социальные и экономические итоги Российской колонизации Туркестана*. Тель-Авив: Б.и., 2001 [Leizerovich E.E. *The Social and Economic Outcomes of Russian Colonization of Turkestan*. Tel-Aviv: Without edition, 2001 (in Russian)].

Лукашова Н.М. В.П. Наливкин: еще одна замечательная жизнь. *Вестник Евразии*. 1999. № 1–2. С. 36–57 [Lukashova N.M. V.P. Nalivkin: Yet Another Remarkable Life. *Acta Eurasica*. 1999. No. 1–2. Pp. 36–57 (in Russian)].

Матвеев В.А. «Терпимость, доверие и доброжелательное отношение»: критерии политики на мусульманских окраинах Российской империи. *Вестник Армавирского государственного педагогического университета*. 2024. № 3. С. 96–107 [Matveev V.A. “Tolerance, Trust, and Benevolent Attitude”: Criteria of Policies in the Muslim Peripheries of the Russian Empire. *The Bulletin of Armavir State Pedagogical University*. 2024. No. 3. Pp. 96–107 (in Russian)].

Материалы Объединенной научной сессии, посвященной прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России. Отв. ред. акад. АН Уз ССР И.М. Муминов. Ташкент: Изд-во Акад. наук УзССР, 1959 [Proceedings of the Joint Scholarly Session Dedicated to the Progressive Significance of the Incorporation of Central Asia into Russia. I.M. Muminov (ed.) Tashkent: Izd-vo Akad. Nauk UzSSR, 1959 (in Russian)].

Миллер А.И. *История Романовых и национализм: эссе по методологии исторических исследований*. М.: Новое лит. Обозрение, 2008 [Miller A.I. *The History of the Romanovs and Nationalism: An Essay on the Methodology of Historical Research*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008 (in Russian)].

Моррисон А. Суфизм, панисламизм и информационная паника: Нил Сергеевич Лыкошин и последствия андижанского восстания. *Tartaria Magna*. 2013. Т. 2013. № 2. С. 42–87 [Morrison A. Sufism, Pan-Islamism, and Information Panic: Nil Sergeyevich Lykoshin and the Consequences of the Andijan Uprising. *Tartaria Magna*. 2013. Vol. 2013. No. 2. Pp. 42–87 (in Russian)].

Москва. 1867. № 53 [Moskva (Moscow). 1867. № 53 (in Russian)].

Найт Н. *О русском ориентализме: ответ Адибу Халиду. Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет*. Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М.: Новое издательство, 2005. С. 324–341 [Knight N. *On Russian Orientalism: A Response to Adeeb Khalid. The Russian Empire in foreign historiography. Works of recent years*. P. Vert, P.S. Kabytov, A.I. Miller (comp.) Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2005. Pp. 324–341 (in Russian)].

Овсянников В.И. *Проблемы Востока и общественно-политическая мысль России*. М.: Наука, 1989 [Ovsyannikov V.I. *Problems of the East and the socio-political thought of Russia*. Moscow: Nauka, 1989 (in Russian)].

Окраина. 1891. № 36 [*Okraina (= Outskirts)*. 1891. No. 36 (in Russian)].

Остроумов Н.П. *Способны ли кочевые народы Азии к усвоению христианской веры и христианской культуры?* 2-е изд. Москва: печ. А.И. Снегиревой, 1896 [Ostroumov N.P. *Are the Nomadic Peoples of Asia Capable of Adopting the Christian Faith and Christian Culture?* 2nd ed. Moscow: Pech. A.I. Snegirevoy., 1896 (in Russian)].

Отечественные записки. 1841. № 5 [*Otechestvennye zapiski (= Notes of the Fatherland)*. 1841. No. 5 (in Russian)].

Пржевальский Н. М. Современное управление Азией. *Русский Вестник*. 1886. С. 476–481 [Przhevalsky N.M. Contemporary Governance of Asia. *Russky Vestnik (= Russian Bulletin)*. 1886. Pp. 476–481 (in Russian)].

Сартори П., Шаблей П. Судьба имперских кодификационных проектов: адат и шариат в Казахской степи. *Ab Imperio*. 2015. Т. 2015. № 2. С. 63–105 [Sartori P., Shablei P. The Fate of Imperial Codification Projects: Adat and Sharia in the Kazakh Steppe. *Ab Imperio*. 2015. Vol. 2015. No. 2. Pp. 63–105 (in Russian)].

Семенова Н.Л. Служба В.В. Григорьева в Оренбургском крае. *Россия-Восток: взаимодействие стран и народов: Труды X всероссийского конгресса востоковедов*. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. С. 41–45 [Semenova N.L. The service of V.V. Grigoriev in the Orenburg region. *Russia-East: Interaction of Countries and Peoples: Proceedings of the 10th All-Russian Congress of Orientalists*. Ufa: IYAL UNTS RAS, 2015. Pp. 41–45 (in Russian)].

Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности: с картой Средней Азии. Сост. кап. Ген. Штаба Л. Костенко. СПб.: тип. В. Безобразова, 1871 [*Central Asia and the Establishment of Russian Civic Identity There: With a Map of Central Asia*. L. Kostenko (comp.) Saint Petersburg: Tip. V. Bezobrazova, 1871 (in Russian)].

Султангалиева Г.С. Деятельность татарских переводчиков, толмачей Оренбургской пограничной комиссии в Казахской степи (XVIII–XIX вв.). *Научный Татарстан*. 2009. № 4. С. 125–138 [Sultangalieva G.S. The Work of Tatar Translators and Interpreters of the Orenburg Border Commission in the Kazakh Steppe (18th–19th Centuries). *Scientific Tatarstan*. 2009. No. 4. Pp. 125–138 (in Russian)].

Туркестанские Ведомости. 1870. № 13; 1875. № 20 [*Turkestanskije Vedomosti (= Turkestan News)*. 1870. No. 13; 1875. No. 20 (in Russian)].

Туркестанский Күрьер. 1913. № 1, 6, 12, 19, 26 [*Turkestansky Kuryer (= Turkestan Courier)*. 1913. No. 1, 6, 12, 19, 26 (in Russian)].

Флыгин Ю.С. Николай Остроумов: «Я считаю себя не бесполезным человеком для иноверцев ...и отнюдь не врагом их». *Восток Свыше*. 2013. № 4 (32). С. 68–75 [Flygin Yu.S. Nikolai Ostroumov: “I consider myself not a useless person for non-Christians ... and by no means their enemy”. *East from Above*. 2013. No. 4 (32). Pp. 68–75 (in Russian)].

Цыряпкина Ю.Н. «Борьба за русское дело»: имперская колонизация Туркестана. *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10. № 5. С. 1625–1641 [Tsyryapkina Yu.N. “The Struggle for the Russian Cause”: Imperial Colonization of Turkestan. *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10. No. 5. Pp. 1625–1641 (in Russian)].

Чехович О.Д. О некоторых вопросах истории Средней Азии XVIII–XIX веков. *Вопросы истории*. 1956. № 3. С. 84–96 [Chekhovich O.D. On Some Issues of the History of Central Asia in the 18th–19th Centuries. *Questions of History*. 1956. No. 3. Pp. 84–96 (in Russian)].

Babajanov B. “How will we appear in the eyes of inovertsy and inorodtsy?” Nikolai Ostroumov on the image and function of Russian power. *Central Asian Survey*. 2014. Vol. 33. No. 2. Pp. 270–288.

Hofmeister U. Civilization and Russification in Tsarist Central Asia, 1860–1917. *Journal of World History*. 2016. Vol. 27. No. 3. Pp. 411–442.

Knight N.V. V. Grigor'ev in Orenburg, 1851–1862: Russian Orientalism in Service of Empire. *Slavic Review*. 2000. Vol. 59. No. 1. Pp. 74–100.

Morrison A. Metropole, Colony, and Imperial Citizenship in the Russian Empire. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2012. Vol. 13. No. 2. Pp. 327–364.

- Pomeranz K. Empire & “civilizing” missions, past & present. *Daedalus*. 2005. Vol. 134. No. 2. Pp. 34–45.
- Sunderland W. Empire without Imperialism?: Ambiguities of Colonization in Tsarist Russia. *Ab imperio*. 2003. Vol. 2003. No. 2. Pp. 101–114.
- Tolz V. Orientalism, nationalism, and ethnic diversity in late imperial Russia. *The Historical Journal*. 2005. Vol. 48. No. 1. Pp. 127–150.
- Weinerman E. The polemics between Moscow and Central Asians on the decline of Central Asia and Tsarist Russia’s role in the history of the region. *The Slavonic and East European Review*. 1993. No. 3. Pp. 428–481.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

АЛИМДЖАНОВ Бахтиёр Абдихакимович –
кандидат исторических наук, старший научный
сотрудник Института антропологии РУз,
Ташкент, Узбекистан.

Bakhtiyor A. ALIMDZHANOV, PhD (History),
Senior Research Fellow, Institute of Anthropology
of the Republic of Uzbekistan, Tashkent,
Uzbekistan.

АКБАРОВА Камила Шухрат кизи – магистр,
стажёр-исследователь Института антропологии
РУз, Ташкент, Узбекистан.

Kamila Shukhrat kyzy AKBAROVA, History
Major, Intern Researcher, Institute of Anthropology
of the Republic of Uzbekistan, Tashkent,
Uzbekistan.